

Хироши Окуда

К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэп

Hiroshi Okuda (University of Tokyo, Japan)

On the question of the preconditions for collectivization: the mood of workers of grassroots party and Soviet structures during the NEP

DOI: 10.31857/S086956870000127-0

До сих пор изучение первичных материалов о коллективизации и тесно связанных с ней хлебозаготовок позволяло нам всесторонне осветить, с одной стороны, антикрестьянский характер «большого скачка» в деревне, с другой — активные и пассивные формы сопротивления крестьянства. Однако гораздо меньше известно о мотивах поддержки коллективизации низовыми работниками, без чего не могло быть и речи о её успехе. Настоящие размышления посвящены именно этому вопросу¹. Пролить свет на него поможет рассмотрение отношений партийцев к перевыборам советов в предшествующие коллективизации 1920-е гг.

До и во время избирательной кампании 1924 г. по выборам в советы практиковалось «назначенство», когда крестьянам навязывались кандидатуры по заранее составленным партийными органами или вышестоящими организациями спискам. Протесты принимали разные формы — от неявки на избирательное собрание до «голосования ногами», т.е. демонстративного ухода с собрания. В конце 1924 — начале 1925 г. результаты выборов были отменены, что дало импульс оживлению деятельности советов (установка на это прозвучала в выступлении И.В. Сталина на октябрьском (1924) пленуме ЦК ВКП(б)²). Значительная часть парторганизаций на местах проявила консервативность или даже сопротивление по отношению к повторным выборам в советы — и не зря, поскольку в их результате партийная и комсомольская прослойка среди председателей сельсоветов резко сократилась.

Вслед за оживлением советов последовали меры, поощрявшие рыночные отношения в деревне. Многие партийцы, начиная с руководящих (А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина) и заканчивая рядовыми, отмечали «дезориентированность», «ликвидаторские» настроения, неумение приспособиться к новой обстановке и «растерянность» среди низовых партийных структур и работников. Кроме того, «целый ряд передовиков и членов ячеек (игравших репрессивную роль по отношению к крестьянству. — Х.О.) пошёл в тюрьму»³. Такая ситуация была сравнима с хаосом весны 1930 г., вызванным статьёй Сталина «Головокружение от успехов».

Вместе с тем надо обратить внимание, что, согласно утверждению заместителя наркома внутренних дел М.Ф. Болдырева, «последний 1924 г. и большая часть 1925 г.» представляли собой «время действительного, реального оформления и осуществления принципа местного самоуправления»⁴. У сотрудника Наркомата рабоче-крестьянской инспекции М. Резунова, принимавшего участие в обследовании сельских советов и земельных обществ, ситуация на местах вызвала

¹ Мною уже предпринималась попытка осветить этот вопрос. См.: Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е — начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 495–527; Окуда Х. Революция Поволжья: Советская деревня под сталинским режимом. 1929–1934. Токио, 1996 (на японском языке).

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 154, л. 34 об.

³ Сталин И. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете // Правда. 1925. 25 июня. Это предложение исключено из текста данной речи, опубликованной в т. 7 «Сочинений».

⁴ Болдырев М.Ф. Оживление советов. М.; Л., 1926. С. 17.

озабоченность и настороженность: «В 1925 году отмечалось почти полное поглощение сельсовета сходом»⁵. Его опасения разделялись верхами. Так, Сталин ещё в январе 1925 г. критически отнёсся к представлению о том, что «наступила эра крестьянства». Однако итоги майских выборов ошеломили его, он подчёркивал, что «середняк оказался на стороне кулака против бедняка»⁶. Как следствие, на октябрьском пленуме ЦК В.М. Молотов, опираясь на «свою трёхмесячную работу в деревенской комиссии ЦК» и выражая намерение наверстать то, что было потеряно в результате «оживления» социальной верхушки деревни, выдвинул лозунг: «Организовать деревенскую бедноту». Наконец, в декабре на XIV съезде партии Сталин заявил: «Мы все против расширения нэпа».

Подобная откровенность совпадала с чаяниями противников нового курса. Многие низовые партийные ячейки являлись таковыми номинально, поскольку имели в своём составе много не связанных с сельским хозяйством служащих, часто присланных из других мест в порядке «переброски», или бывших крестьян из бедняков. Таким коммунистам была особенно присуща вышеупомянутая «растерянность». Они нуждались в оплачиваемой должности, в те годы получила распространение фраза «служить в коммунистах». Партийцы практически монополизировали и без того малочисленные посты (административные и кооперативно-управленческие), дававшие не только материальные блага, но и власть. Введение полной выборности могло означать для них потерю положения. Недоверие к сельскому населению граничило с «крестьянофобией», которая в условиях диктатуры рабочей партии легко трансформировалась в агрессию.

Авторитетным для крестьян обычно являлся старательный, зажиточный сельский хозяин — тот, кого коммунисты объявили «кулаком», врагом. Так, на вопрос, как можно помочь малоимущим крестьянам, инструктор одного из райкомов Новониколаевской губ. ответил: «Надо отобрать от кулаков излишки, раздать бедноте, польза будет и государству, оно тогда свои средства бедноте давать не будет»⁷. На XIV съезде Сталин отметил наличие явного стремления к раскулачиванию, скрываемого за моральным колебанием: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия — к тому, чтобы раздуть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только — и мигом разденут кулака».

В документах тех лет можно встретить свидетельства довольно жёсткой реакции на растущую активность крестьянства. Как явствует из материалов Кубанского окружкома (март 1925 г.), «на одном собрании... демобилизованных красноармейцев, где было около 300 человек, выступает один красноармеец и совершенно серьёзно предлагает уполномоченному окружкома: “Товарищ, дайте приказ убить по 20 человек казаков-кулаков на одного красноармейца, и мы в одну ночь перережем всех этих контрреволюционеров, а если не будет этого приказа, мы их всё равно понемножку перережем, вот только придёт лето”...

⁵ Резунов М. Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 49.

⁶ У крестьян сохранилась память о том кратком периоде полноценного местного самоуправления. К примеру, волнения в Козловском округе Центрально-Чернозёмной области (март 1930 г.) проходили под лозунгом «Да здравствует советская власть», к которому добавлялось: «1925 г.». А на заседании бюро Средне-Волжского крайкома (апрель 1930 г.) секретарь Мордовского обкома следующим образом характеризовал положение после распада большинства колхозов: «Земельное общество во многих случаях захватным порядком присвоило такие права, которые ему не полагаются, которые имели место в 1924—25 г., до укрепления советского аппарата».

⁷ См.: Бергавинов С. Партировка деревенских ячеек // Правда. 1925. 5 марта.

Подобного рода настроения бедноты имеются во всех станицах, где происходили перевыборы, и где они кончились поражением бедноты»⁸. Высказывание Сталина, таким образом, стало предостережением.

Анализируя на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 15 марта 1926 г. результаты очередных перевыборов 1925/26 г., Сталин резко осудил инструкцию ВЦИК о выборах советов от 13 октября 1925 г., расширявшую круг избирателей в пользу непролетарских элементов. В ЦК была создана комиссия под председательством Молотова для составления новых инструкций, значительно расширявших круг «лишенцев». Общесоюзная инструкция была опубликована в сентябре 1926 г., а инструкция для РСФСР — в ноябре того же года; она послужила отправной точкой избирательной кампании 1927 г.

Новые правила подверглись критике: высказывались опасения, что в соответствии с ними можно лишить прав до половины или даже трёх четвертей всех крестьян — особенно тех, кто арендовал чужой рабочий скот или инвентарь, поскольку эти явления имели массовый характер. И действительно, январские и февральские номера газет публиковали многочисленную информацию о завышении процента «лишенцев», численность которых иногда достигала половины жителей, а иногда — практически целого селения. В таких местностях лишение избирательных прав проходило на основе «классового чутья», без всяких документов или участия избирательных комиссий. Восстановление же в правах в большинстве случаев проводилось только после выборов. На февральском пленуме ЦК Р.И. Эйхе, приводя примеры тех районов Сибири, где число «лишенцев» увеличилось по сравнению с предыдущей кампанией почти в 14 раз, говорил: «Я думаю, вполне оправдались слова тов. Сталина» и объяснял это тем, что «низовые работники не поняли инструкции, или желали понять её таким образом — давай раскулачивать, прижимать кулака»⁹. В февральском номере журнала «Деревенский коммунист» отмечалось: «Бедноте инструкция пришлась по вкусу и даже подняла её настроение... Бедноте практическое применение инструкции даже с перегибами очень нравится... В инструкции имеются некоторые неясности, которые дают возможность истолковывать отдельные статьи и в ту, и другую сторону. Однако толкования в большинстве случаев приобретают сугубо односторонний характер и принимают такой оборот, что часто в числе лишённых оказываются не только середняки, но и доподлиннейшая беднота».

В прессе «перегибы» из-за расширительного толкования инструкции осуждались. Однако для партийного руководства это был важный опыт, который продемонстрировал готовность и способность низовых работников осуществить переворот социально-политической ситуации по получении директивы «сверху». После перевыборной кампании 1927 г. стали появляться упоминания о преодолении «растерянности» коммунистов. Майский номер журнала «Коммунист» (Тамбовский губком) отмечал, что таковой «почти» не наблюдалось. В декабре на XV съезде партии в своём организационном отчёте С.В. Косиор объявил о полном искоренении этого настроения. Вскоре после съезда, в условиях хлебозаготовительного кризиса коммунисты, получив директиву ЦК партии о необходимости наступления на кулаков, приступили к изъятию зерна. Сталинская «революция сверху» приближалась. Для её осуществления имелись подконтрольные структуры (советы, партячейки, комсомол) и их активисты, променявшие «соху» на «портфель» и ставшие активными проводниками курса на коллективизацию.

⁸ ГА РФ, ф. Р-393, оп. 1а, д. 95, л. 223—223 об.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 276, вып. 3, л. 18 об.